

А за ночь снова подморозило,
Прозрачны сделались сады,
И вѣтлы смотрятся не в озеро,
А в тонкий-тонкий слой слюды.
И в воздухе легко ломается
Луч, зацепившись за карниз,
И пар над клумбой поднимается
Закрученнее, чем каприз.
И в каждом звуке есть по трещине,
И с перебоем кровотоков,
В глазах у каждой встречной женщины
Лишь иронический ледок.

ПРИБЫТИЕ

Поверхность гавани никогда не бывает гладкой,
Вёсла стряхивают искры заката в воду,
Корма триремы оснащена палаткой,
На пристани полтора Рима народу.
Толпа встречающих занята параллельно
Сотнями дел, там и воровство и злословье,
Вергилий прибыл к ним, но лежит отдельно,

Врачи у него в ногах, а смерть в изголовье.
Жизнь завершается, можно сказать, галопом,
С какой стати ты стольким и стольким нужен!
Он единственный, кто догадывается, что там, за гробом.
И вот уже вечер, и уже съеден ужин.
В его присутствии уже не брякнешь: “Мemento...”
Душа над телом в потоке закатной пыли.
Человек стремительно становится монументом,
Он слишком велик, чтобы его любили.
Вот так, прибывая, мы всё-таки убываем.
Вергилий вошёл в гавань, что из этого выйдет...
Его практически нет, но мы изнываем,
Потому, что он знает, а может быть, даже видит.

* * *

В рябине свет дрожит, бледнеет в яблоне,
Позванивает в листьях бузины,
Когда б не это, то, конечно, я бы не
Поверил — все мы спасены!
Перенеслись путями непонятными,
Туда, где нас в обычной жизни нет,
Сливаемся с бессмысленными пятнами,
И не понять, где тот, где этот свет.
Сидим, дыша беспечно и загадочно,
И ни о чём никто не хочет знать.
Осина лишь листвою беспорядочно
Пытается о чём-то вспоминать.

* * *

Уже почувствовали мы
Неповторимый этот почерк:
Весна из ледяной тюрьмы
Взрывается напором почек.
И кажется, ещё чуть-чуть —
И всё в зелёной канет пене,
Но холодом сдавило грудь
Апреля и без изменений
Застыл наш бездыханный сад,
Мир замер, как курок на взводе,
И кажется, шепни: “Назад!” —
И всё назад пойдёт в природе.
Мир умирает, а не спит,
Лишь у соседа на балконе
“Машина времени” скрипит
В раздолбанном магнитофоне.

* * *

Вот и вышел из меня поэт,
А куда укывлял — загадка,
Вместе провели мы столько лет,
Номер шесть была у нас палатка.
Кучечку метафор и пучок
Негодящих рифм забыл калека.
И куда попёрся, дурачок,

И зачем обидел человека!
Я ль винца ему не подливал,
Я ли не водил его к девицам,
Что он гений — тоже подпевал,
Отпускал и в бездну подкормиться.
Жить один я буду поживать,
Он, как пар, рассеется во мраке,
Больно будет это сознавать
Старому бумажному мараке.
Вот живу, общаюсь я с людьми,
Но порою вдруг тоска пронзает,
Что я буду делать, чёрт возьми,
Если выйдет из меня прозаик.

* * *

Так сдавило грудь, что стало ясно —
Только Он умеет так обнять.
И душа мучительно согласна
Тело на бессмертье обменять.
Ничего нет в мире достоверней
Боли, обращённой в небеса.
Вверх стремлюсь я из телесных терний.
Вниз стекает мутная слеза.
Ангелы летят в крылатых платьях.
Только боль моя Благая Весть.
Я готов пропасть в твоих объятьях.
Я готов, но, кажется, не весь!

.....

*Редакция журнала “Наш современник” от всей души
поздравляет Михаила Михайловича с 60-летним юбилеем!*